

В конце концов мы все пре-
вратимся в рассказы.

Маргарет Этвуд

П и с ь м о а в т о р а

Независимо от того, читаете ли вы это в том же году, когда я пишу, в 2020-м, или спустя долгое время после публикации этих страниц, или даже после того, как меня уже не будет в живых (в этом прелесть книг — они живут долго), я должна рассказать кое-что, прежде чем вы откроете первую страницу. За годы писательства, а это моя одиннадцатая книга, я пришла к пониманию того, что книга для автора — все равно что ребенок для матери. У меня трое сыновей, которым в данный момент четырнадцать, двенадцать и десять лет. Когда они были младенцами, мне в голову не приходило оставить их с няней, не проинструктировав ее. «Он любит груши», — говорила я няне, или: «Ему становится немного грустно перед сном, поэтому, пожалуйста, почитайте ему сказку». Теперь для меня не менее странно держать эту книгу в руках, ни капельки не беспокоясь о ней.

В 1992 году я была неуклюжим четырнадцатилетним подростком: брекеты, мальчишки, средняя школа, страдания из-за неудачной стрижки и, возможно, даже

ужасной химической завивки. В том же году я превратилась из заядлой читательницы в страстную любительницу книг. Каким-то образом я открыла для себя замечательную ирландскую писательницу Мейв Бинчи и решила прочитать все ее книги, какие только отыщу. Пока я плыла по бурной реке юности, ее уютные истории были столь необходимой мне спасательной шлюпкой. Потом я поклялась, что если когда-нибудь напишу книгу и даже придумаю, как ее опубликовать, то попытаюсь создать для читателей их собственные уютные уголки.

Это я и старалась делать во всех своих книгах, включая «Из Лондона с любовью». На полпути к завершению романа произошло нечто совершенно неожиданное. Привычная жизнь перевернулась с ног на голову из-за пандемии Covid-19. Я боролась с болезнью больше месяца, школы, где учились мои мальчишки, закрылись, и все странно, со скрежетом затормозилось. Но именно тогда незавершенный роман стал уютным маленьким мирком, в котором я так отчаянно нуждалась. В конце долгого писательского дня, когда нужно было выгуливать собак и кормить детей, я ловила себя на мысли, что хочу еще немного задержаться на этих утешительных страницах.

В моменты неуверенности я вспоминала лучшие времена и лучшие места, тот вечер в 2016 году, когда мой нынешний муж сделал мне предложение в самом очаровательном месте Ноттинг-Хилл (если вы так же обожаете фильм «Реальная любовь», как я, то точно знаете, о чем я говорю). Моими декорациями тоже был Лондон.

Некоторые места, упомянутые в книге, конечно, вымышлены, но многие из них я открыла во время двух исследовательских поездок. Однажды мне повезло получить приглашение на ужин в легендарный Королевский автомобильный клуб, ставший местом действия двух эпизодов книги. Должна сказать, что КАК – именно такой шикарный и знаменитый, как вы себе представляете. Я бережно храню память о том вечере.

И теперь я вручаю свое дитя вам. Я заставляю себя отойти в сторону, хотя, вероятно, могла бы продолжать и продолжать. «Из Лондона с любовью» и его многочисленные персонажи теперь в вашем распоряжении. Надеюсь, что вы положите эту книгу в пляжную сумку или портфель, возможно, возьмете ее с собой в поездку (даже в Лондон!) или просто прочтете, не покидая домашнего уюта.

Где бы вы ни были и куда бы вас ни привела жизнь, я надеюсь, что чтение этой книги принесет вам такое же утешение, как и мне, когда я ее писала.

*Из Сиэтла с любовью,
Сапа*

Г Л А В А 1

*Валентина
Лондон, Англия
1 ноября 2013 года*

— Впереди нас ждут гораздо лучшие дела, чем те, что мы оставляем позади, — говорит женщина, сидящая рядом со мной в самолете, лет шестидесяти с небольшим, с выстриженной перьями челкой и резинкой для волос, так туго обхватывающей левое запястье, что бóльшую часть полета я опасаюсь, как бы не пришлось оказывать ей неотложную медицинскую помощь.

За годы всевозможных путешествий у меня собралась целая коллекция сомнительных соседей по самолету: девяностолетний дед, который дотронулся до моей ноги 3781 раз, после чего заснул, непрерывно пуская газы; младенец, плакса из плакс; дама, которая выпила слишком много маленьких бутылочек рома и отключилась у меня на плече, пуская слюни.

А в этом полете я, похоже, сподобилась заполучить соседку разновидности «сентиментальный оратор». К моменту, когда самолет оторвался от земли, болтунья, занимающая место 26В, уже успела процитиро-

вать Шекспира, Мэрилин Монро и, насколько помню, Мухаммеда Али.

Мой усталый пустой взгляд, очевидно, беспокоит ее, потому что уголки ее рта опускаются в разочарованной гримасе.

— Бедная девочка, — говорит она, качая головой. — Вы не знаете К.С. Льюиса. Какая жалость.

— Да, — говорю я, закрываю глаза и откидываю голову на спинку сиденья, пытаюсь уснуть — или, по крайней мере, притвориться, что сплю. — Это весьма... *весьма печально*.

Да, печально. Меня только что обвинили в том, что я не опознала цитату одного из моих любимых авторов, но я слишком устала, чтобы защищаться. Что может быть печальнее? *Только сама цитата*.

«Впереди нас ждут гораздо лучшие дела, чем те, что мы оставляем позади»¹.

Я открываю глаза, только когда самолет начинает снижаться над Лондоном и толчок турбулентности толкает меня прямо на Сентиментального оратора. Чую, она вот-вот начнет скандировать цитаты из Ганди или, может быть, из матери Терезы.

Мои мысли сбиваются в кучу. *Что, если К.С. Льюис ошибался? Что, если впереди не будет ничего лучшего? Что, если?..*

Самолет снова дребезжит и проскальзывает под облаком, выпуская шасси. Мгновение спустя — грохот и глухой удар: мы приземляемся в Хитроу.

¹ Попутчица Валентины цитирует письмо автора «Сказок о Нарнии» английского писателя К.С. Льюиса его знакомой Мэри Шелбурн (*Здесь и далее прим. перев.*).

Я смотрю в иллюминатор. Итак, *это Лондон*.

Сентиментальный оратор, задохнувшись, нашаривает ингалятор, а я впервые смотрю на Англию, на ее кажущуюся беспросветной серость. Толстый слой тумана и темные облака смешиваются, как расплывшаяся акварель, — плюс серость моего настроения. Серое на сером на сером.

Я вздыхаю, снимаю с полки сумку и тупо иду вперед. Мне тридцать пять. Это должна быть тринадцатая глава моей жизни — а может быть, даже шестнадцатая. Но почему-то я чувствую себя так, словно меня катапультировали обратно, в самое начало, или, что еще хуже, заставили кропотливо переписывать все.

«Глава 1: Разведенная американка в Лондоне».

— Мисс, — говорит Сентиментальный оратор, касаясь моего плеча. — Кажется, вы забыли... *книжку*.

Она протягивает мне книгу, и я созерцаю обложку со смешанным чувством унижения и недоверия. «Как развестись, сохранив рассудок». Я прочитала всего две главы, по возможности тайком, но быстро потеряла интерес и сунула книжку в карман сиденья, чтобы ею наслаждался следующий пассажир. Подумайте, ну какой психотерапевт в здравом уме назвал бы главу: «Лучший способ забыть человека — подчиниться ему?»

— Бедняжка, — улыбаясь про себя, говорит Сентиментальный оратор.

Дайте орден этой образцовой гражданке!

— Вы переживаете *развод*?

Мне кажется или слово «развод» она произнесла несколькими децибелами громче? Две женщины слева от нас оглядываются, их лица лучатся жалостью. Ко мне.

Я киваю.

— Да — недавно.

На меня нацеливаются еще несколько пар глаз. С таким же успехом можно было прицепить на спину наклейку с надписью: «НЕДАВНО РАЗВЕЛАСЬ».

— Помните, дорогая, — заявляет моя трансатлантическая соседка, — чтобы забыть человека, требуется полгода на каждый год совместной жизни.

Я слышала это и раньше от других доброжелателей, но каждый раз чувствую смущение и, скажем так, легкий испуг. Мы с Ником были женаты двенадцать лет, — так что же, если расчеты верны, я должна страдать и ненавидеть себя... еще шесть лет? Кто выдумал эту дурацкую статистику и можем ли мы все дружно признать ее липовой с начала до конца?

Ведь это все неправда, верно?

Я делаю пару шагов вперед и вбок, чтобы избежать неизбежного. Не сомневаюсь, что Сентиментальный оратор сейчас спросит: «А разрешите поинтересоваться... что случилось?» И я окажусь загнанной в пятый угол, придется объяснять, что мой муж, адвокат, бросил меня ради двадцатитрехлетней помощницы юриста, с которой тайно встречался с прошлой весны. А я — да, я действительно верила, что все эти ночи он работал сверхурочно. Как ее зовут? Ах, конечно, это же Мисси, которая то и дело демонстрирует в Instagram¹ свои бесконечные ноги и накладные ресницы.

¹ Деятельность социальной сети Инстаграм запрещена на территории РФ по основаниям осуществления экстремистской деятельности (*Здесь и далее*).

У меня тоже есть аккаунт @booksbyval¹. Вместо того чтобы изливать на подписчиков вдохновение, почерпнутое из стопки романов на моей тумбочке, я отслеживала Мисси. Виновна по всем пунктам обвинения. Вы хотите узнать: она... хорошенькая? Уменьенькая? Да, то и другое, хотя не кажется ли вам, что некто с вечно розовыми, надутыми губками не имеет законного права на диплом с отличием?

Теперь они вместе. Мисси и Ники. #Созданыдруглядруга, как гласил один из ее недавних постов, где она небрежно намекала на новую любовь своей жизни — моего мужа, вернее, пока-еще-мужа.

Словно зомби, я иду в зону паспортного контроля, довольная тем, что рассталась с Оратором. Когда мой паспорт сканируют, компьютер начинает мигать красным и пищать. Мгновение спустя появляется таможенник и сообщает, что я случайным образом выбрана для дальнейшего досмотра.

Конечно, я. Кто ж еще.

— Пройдемте со мной, мисс, — говорит он и ведет меня в соседнее помещение, где я вручаю ему паспорт. — Приехали в отпуск?

— Нет. — Я качаю головой.

— Значит, в командировку? — продолжает он, роюсь в моем саквояже руками в перчатках.

— Нет, — говорю я, потирая лоб. — Не в командировку.

— С какой же целью, мисс?

¹ «Книги от Вэл».

Я с трудом сглатываю, избегая его пристального взгляда, который, кажется, пронизывает меня насквозь.

— У меня умерла мать, — наконец выпаливаю.

В его глазах появляется тень человечности — всего лишь проблеск, но все же появляется. Возможно, единственная хорошая сторона смерти в том, что она смягчает самые твердые грани.

— Сочувствую, — говорит он, возвращая мне паспорт, и на секунду замолкает. — Все чисто. Добро пожаловать в Англию.

Я киваю. Он выводит меня через отдельный вход; я иду по указателям получать багаж, забираю с карусели два больших чемодана и наконец выхожу на улицу ловить такси. Я машу рукой скучающему водителю, который курит, прислонясь к машине.

— Куда едем? — спрашивает он, загружая чемоданы в багажник.

— Примроуз-Хилл, — отвечаю я.

Он кивает.

— Возвращаетесь домой?

Теперь, когда развод почти завершен и дом в Сиэтле продан, моим пристанищем будет Примроуз-Хилл. Но сейчас он так же далек от меня, как мать.

Я пожимаю плечами.

— Вроде того.

Машина трогается, дождевые капли буквально залепляют лобовое стекло. Я закрываю глаза и тут же вижу лицо мамы, улыбающейся мне в зеркале заднего вида. Она напевает старую песню Стиви Никса «Сара» и переключает машину на четвертую передачу. Мне двенадцать лет. Через две недели она... уйдет.